

Нетипичная история эльзасца при петербургском дворе*

Рец. на кн.: Louis Henri de Nicolay, un intellectuel strasbourgeois dans la Russie des Lumières / sous la direction de R. Baudin et A. Veselova. – Strasbourg : Presses univ. de Strasbourg, 2020. – 279 p.

Ольга Ермакова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

An Untypical Story of an Alsatian at the St Petersburg Court

Rev. of: Baudin, R., Veselova, A. (Eds.). (2020). *Louis Henri de Nicolay, un intellectuel strasbourgeois dans la Russie des Lumières*. – Strasbourg, Presses univ. de Strasbourg. – 279 p.

Olga Ermakova

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

The book about Louis Henri de Nicolay, a German-speaking poet from Strasbourg, is much more than a reconstruction of the biography of a “German in Russia”. The multi-author book edited by Rodolphe Baudin and Alexandra Veselova reveals the mechanisms underlying the functioning of intellectual ties between Alsace and Russia. Also, it demonstrates the “exemplary” and unique features of the personal history of a graduate of the University of Strasbourg, who became a tutor of the future Emperor Paul I and then president of the Academy of Sciences in St Petersburg. The authors show the life trajectory of Nicolay in the broad context of the tripartite cultural transfer between France, Germany, and Russia and of the “circulation of knowledge and people” in Europe as a whole. The multifaceted image of the Strasbourg intellectual is recreated through the analysis of his epistolary and poetic heritage, sources on the history of Mon Repos Park (Nicolay’s estate near Vyborg), and the study of the mythologisation of his personality in Russian and Soviet culture. The publication of sources of

---

* *Citation*: Ermakova, O. (2022). An Untypical Story of an Alsatian at the St Petersburg Court. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1924–1935. DOI 10.15826/qr.2022.5.770.

Цитирование: Ermakova O. An Untypical Story of an Alsatian at the St Petersburg Court // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1924–1935. DOI 10.15826/qr.2022.5.770 / Ермакова О. Нетипичная история эльзасца при петербургском дворе // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1924–1935. DOI 10.15826/qr.2022.5.770.

personal origin makes the book more valuable. They are letters of Louis Henri de Nicolay, introduced into scholarly circulation and extensively commented on by the authors of the edition. This research appears to be a landmark in the historiography of intellectual connections in Europe during the Age of Enlightenment.

Keywords: Louis Henri de Nicolay, intellectual networks, cultural transfer, University of Strasbourg, foreigners in Russia, Lumières

Книга о немецкоязычном поэте из Страсбурга Людвиге Генрихе Николаи представляет собой гораздо больше, чем реконструкцию биографии «немца в России». В коллективной монографии под редакцией Родольфа Бодэна и Александры Веселовой раскрываются механизмы функционирования интеллектуальных связей между Эльзасом и Россией, а также демонстрируются «образцовые» и уникальные черты персональной истории выпускника Страсбургского университета, ставшего воспитателем будущего императора Павла I, а затем президентом Академии наук в Петербурге. Жизненная траектория Николаи показана авторами в широком контексте трехстороннего культурного трансфера между Францией, Германией и Россией и «циркуляции знаний и людей» в Европе в целом. Многогранный образ героя исследования воссоздан благодаря анализу его эпистолярного и поэтического наследия, источников по истории парка Монрепо (усадьбы Николаи близ Выборга), а также изучению мифологизации его личности в российской и советской культуре. Дополнительную ценность книге придают опубликованные в ней источники личного происхождения – письма Людвиге Генрихе Николаи, впервые вводимые в научный оборот и развернуто прокомментированные авторами издания. Исследование представляется знаковым фактом в историографии интеллектуальных связей в Европе эпохи Просвещения.

Ключевые слова: Людвиг Генрих Николаи, интеллектуальные связи, культурный трансфер, Страсбургский университет, иностранцы в России, Просвещение

Первое, о чем хочется сказать, – книгу легко и интересно читать [Louis Henri de Nicolay]. Глубоко научное по содержанию и методологии повествование выстроено настолько гармонично и изящно, что воспринимается почти как художественная литература. Вероятно, личность самого героя исследования к тому располагает. В России Николаи запомнился более всего как президент Академии наук и владелец усадьбы Монрепо в окрестностях Выборга. В Западной Европе особенно ценится его вклад в немецкоязычную поэзию. Возникает даже некоторое замешательство, какой вариант имени страсбургского интеллектуала лучше использовать: французский – Луи Анри де Николаи, немецкий – Людвиг Генрих или же русский – Андрей Львович. Книга демонстрирует, что роль Николаи в качестве агента

культурного трансфера не столь однозначна, как может показаться на первый взгляд. Вероятно, в случае с выходцем из двуязычного Страсбурга, интегрировавшимся (но не всецело) в круги российской интеллектуальной элиты, не могло быть иначе.

С первых страниц введения очевидно, что книга написана в актуальном методологическом ключе изучения социальных связей и отсылает к французской историографической традиции исследования неформальных сетей доверия¹. Кроме того, сама структура коллективной монографии свидетельствует о том, что этот труд возможно отнести к жанру «интеллектуальной биографии» или «новой биографической истории»². Несмотря на то, что история Николаи в своих истоках типична, блестящее развитие карьеры эльзасца и положение, которого он в результате достиг в России, выводят его биографию в разряд уникальных. Этот тезис авторы книги успешно проиллюстрировали на основе новых источников личного происхождения, часть из которых опубликована в приложении к изданию.

Жизненная стратегия Николаи реконструирована авторами в широком контексте «циркуляции знаний и людей» в Европе эпохи Просвещения. Представление о типичных или нетипичных чертах персональной истории Людвиг Генриха создается благодаря имеющемуся в тексте описанию русско-эльзасских интеллектуальных связей и механизмов их действия. Во введении Р. Бодэн подчеркнул важную роль Страсбурга как двуязычного города и университетского центра, одного из знаковых пунктов на маршруте *Grand tour*.

Билингвальный характер обучения в Страсбургском университете создавал специфическое культурное пространство и привлекал разнообразный контингент студентов, среди которых было немало представителей российского дворянства, остзейских немцев. В первом разделе книги показан, по выражению его авторов (Д. Рюска, Р. Бодэна, В. Береловича), «благоприятный контекст» – связи Страсбургского университета с российскими интеллектуальными кругами на примере контактов двух знаковых фигур эльзасского научного сообщества – профессора естествознания Иоганна Германа и профессора Кристофа Гийома Коха, автора университетского курса по истории России³. При прочтении соответствующих глав создается очень объемное представление об интеллектуальных связях России и Страсбурга, их источниках и принципах функционирования. Важную роль, по мнению авторов, играли личные отношения. Так, связи Коха с Голлицыными носили давний характер и соединяли с влиятельнейшим

---

¹ См., [Mousnier; Hommage à Roland Mousnier; Boltanski; Patronages et clientélismes; Clientèle guerrière и др.]. Подробнее о французской историографии неформальных связей см.: [Ермакова, 2021a; Ермакова, 2021b].

² См. специальный выпуск журнала «Диалог со временем» (Вып. 8 «Персональная история и интеллектуальная биография») [Диалог].

³ Подробнее об университетском курсе Коха в контексте русско-французских интеллектуальных связей см. работу Р. Бодэна и В. Береловича [Histoire de Russie]; см. также: [Лавров].

русским аристократическим родом не только самого Гийома Коха, но и его братьев (р. 83–84)⁴.

Система интеллектуальных связей, частью которой являлся Николай, включала целый спектр различных вариантов социальных взаимодействий. При этом социальные интеракции ученых и литераторов строились не только на базе принадлежности к профессиональному сообществу, но и на общности интересов в целом (то есть в них ситуативно вовлекались случайные люди). Из приведенных в тексте сюжетов следует, что одной из наиболее распространенных разновидностей неформальных связей являлись патрон-клиентские отношения.

Так, Людвиг Генрих не единожды заручался поддержкой и рекомендациями своего преподавателя Ж.-Д. Шепфлина – основателя Дипломатической школы Страсбургского университета (р. 25, 39). Именно его протекция сразу после окончания университета положила начало сети собственных полезных знакомств Николаи, дальнейшему развитию которой способствовали профессиональные качества героя исследования. В частности, Дмитрий Голицын, российский посол в Вене, обратил внимание на Людвигу Генриха и пригласил его на службу секретарем (р. 39). В тот же период у Николаи завязалась крепкая дружба с графом Семеном Романовичем Воронцовым. В 1766 г. Людвигу Генриха нанял воспитателем к своему сыну Кириллу Разумовский, находившийся с визитом в Страсбурге, куда Николаи к тому моменту уже вернулся из Вены. Людвиг Генрих сопровождал Алексея Разумовского в поездке по Европе. Впоследствии именно Кирилл Разумовский стал одним из тех, чья рекомендация помогла Николаи получить место наставника великого князя Павла Петровича.

К слову, среди факторов, повлиявших на решение Людвигу Генриха принять предложение Никиты Панина о службе в России, авторы выявили причины личного характера. С одной стороны, неудача в любви – несостоявшаяся женитьба на представительнице семейства Тюркайм. С другой – перспектива встречи и совместной службы с ближайшим другом Николаи Франсуа Анри Лафермьером, который занимал должность библиотекаря и преподавателя французской литературы при наследнике российского престола (р. 40–44).

Вообще тема дружбы лейтмотивом проходит сквозь все повествование. Анализируя эпистолярное наследие Николаи, Р. Бодэн акцентировал внимание на свидетельствах проявления своеобразного культа дружбы, характерного для изучаемого периода. В этой связи уместно вспомнить исследования, посвященные дружеским связям (*réseaux d'amitié*) как разновидности неформальных сетей доверия во Франции. Под названным термином понимаются не просто связи частного характера, основанные на глубокой личной привязанности. Дружеские узы выходят в публичную сферу, подразумевают обмен услугами (хотя могут существовать и без такового). Но, в отличие

---

⁴ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

от патрон-клиентских отношений, «друзья» равны по социальному статусу. Поддержанию таких связей служит эпистолярный канал. Переписка не прекращается и при отсутствии взаимного оказания услуг⁵. Пример Николаи показывает, каким образом дружеские связи помогали в карьерном продвижении, насколько важной оказывалась взаимная поддержка в профессиональной сфере. Именно Людвиг Генрих содействовал тому, что Борис Воронцов нанял на службу Лафермьера. В свою очередь, во многом благодаря Лафермьеру Николаи оказался при дворе будущего императора Павла. Интересно наблюдение Р. Бодэна о том, что дружба играла важную роль еще и как средство самопрезентации, социальной идентификации, *self-fashioning* главного героя и его ближайшего друга (р. 47–48).

Возвращаясь к мотивам переезда Николаи в Россию, следует подчеркнуть главный из них. Как и многим другим выпускникам, Людвигу Генриху не удалось получить должность в Страсбургском университете. Помимо прочего, причиной тому являлось его скромное социальное происхождение, утверждают авторы. Николаи не оставил попыток устроиться в университет и получил долгожданное предложение. Однако в конечном итоге он все же выбрал службу в России. Такое решение объяснялось еще и длительным промедлением со стороны Страсбурга. Условия работы, согласованные Страсбургским университетом, оказались гораздо скромнее предложения из Петербурга (хотя Николаи до конца сомневался, стоит ли принимать лестные приглашения из-за границы). В целом авторы отмечают, что из-за нехватки вакансий в университетах (включая Страсбургский) миграции ученых становились своего рода профессиональной привычкой, формировали особую культуру и систему отношений, сети знакомств, неформальных связей, патроната. В этом смысле эмиграция Николаи представляла собой «образцовый» случай (р. 39).

Надо сказать, что отсутствие возможности трудоустройства на родине вынуждало и другого рода специалистов (инженеров, мастеров и пр.) уезжать из Западной Европы. Именно в России они зачастую находили для себя наиболее выгодные условия работы. И следует заметить, что очень часто переход на русскую службу способствовал повышению социального статуса иностранцев. Даже простые мастера или рабочие, оказываясь в роли агентов трансфера – носителей технических и/или культурных инноваций, удаивались большего социального престижа (чем имели, проживая в своем отечестве), что давало им совершенно осязаемые материальные выгоды. Что же касается Николаи, то его возвышение по карьерной лестнице и социальной иерархии очень показательно. Достаточно вспомнить хотя бы факт получения Людвигом Генрихом баронского титула, не говоря уже о его владениях землей и крепостными. Вместе с тем авторы книги считают, что Николаи не просто добился повышения статуса,

---

⁵ О «дружбе» как разновидности неформальных связей см.: [Constant, 1994, p. 33; Constant, 1985, p. 167, 188; Boltanski, p. 243; Figeac, p. 48; Jouanna, p. 21–22].

но достиг по-настоящему выдающихся успехов по сравнению с другими выпускниками Страсбургского университета, что и делает его жизненную траекторию исключительной.

Исследование профессиональной деятельности Николаи актуализирует проблему восприятия гувернеров-иностранцев современниками изучаемых событий. В этом смысле обращает на себя внимание одно из писем Людвига Генриха, текст которого опубликован в книге. Письмо написано в 1770 г. из Петербурга и адресовано Теофилю Конраду Пфефелю – интеллектуалу, преподавателю и поэту из Кольмара. Благодаря развернутому комментарию Р. Бодэна мы узнаем, что с Пфефелем Николаи и Лафермьер подружились во время обучения в Страсбурге. Людвиг Генрих в переписке подробно описывает материальную сторону своей жизни в России. Он детально характеризует условия проживания, рассказывает буквально о каждой комнате в квартире, занимаемой им и Лафермьером.

Такое внимание к бытовым вопросам объяснялось, по мнению Р. Бодэна, не только своеобразным культом домашней, частной жизни, характерным для второй половины XVIII в., но и спецификой найма по контрактам воспитателей из-за рубежа. Подспудно текст направлен на то, чтобы показать оставшимся на родине соотечественникам, насколько автор письма и его друг преуспели, приняв решение об эмиграции. Параллельно создавался образ России как современной процветающей страны, равной Эльзасу. Такого рода информация призвана была избежать снижения социального престижа тех, кто уехал работать за границу, особенно воспитателей и гувернеров. Таким способом доказывалось, что их статус выше положения домашней прислуги (р. 49).

Действительно, образ воспитателя или гувернера довольно противоречив именно с точки зрения отношения к нему современников (включая соотечественников). То, что гувернерами нередко становились иностранцы, которые на родине занимались совсем другой деятельностью или же потерпели фиаско в своих предприятиях в России, известный факт, подтверждающийся архивными документами, а не идущий только от стереотипов из художественной литературы [см., например: РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 22. Л. 134, 199 об.]. В то же время, как показали результаты крупного исследовательского проекта В. Ржеуцкого и А. Чудинова, негативный образ гувернера (не только в России, но и в других странах) выглядит слишком однобоким, а его формирование объяснялось совершенно конкретными причинами. Например, В. Ржеуцкий отмечал, что «для французских дипломатов все выходцы из Французского королевства, за исключением разве что купцов (которые способствуют своей деятельностью обогащению «исторической родины»), автоматически приписывались к категории *Français déméritants* – недостойных французов» [Ржеуцкий, с. 60].

В упомянутом письме к Пфефелю содержится еще один важнейший пласт информации – сведения о профессиональной деятельно-

сти Николаи и Лафермьера. Речь идет не только об образовательных занятиях с великим князем, но и о совместной работе друзей над каталогом библиотеки наследника престола. Наконец, в письме раскрываются подробности социализации эльзасцев в новой среде, а также описывается их повседневный распорядок жизни. Имеются указания на то, в каких аристократических кругах бывают Николаи и Лафермьер, с кем они особенно дружны (р. 46). В контексте изучения трансфера знаний и идей эпохи Просвещения представляется знаковым наблюдение Р. Бодэна о том, что для интеллектуалов (таких как Николаи и Пфедель) роль медиатора в межкультурном взаимодействии виделась своего рода моральным долгом, добродетелью (р. 50). Как участники большой «интеллектуальной сети» они являлись посредниками научного и культурного обмена, в первую очередь друг для друга, а затем – для всей цепочки контактов (друзей, клиентов, учеников и пр.) и социальной среды каждого из них. Такие наблюдения позволяют говорить об осознанном целенаправленном трансфере, а не просто о естественном социокультурном взаимовлиянии как побочном эффекте переноса научных и технологических инноваций.

Раздел коллективной монографии, повествующий о службе Николаи в России, состоит из двух частей. Примечательно, что глава, написанная М. Аренсом, названа *Écrire pour éduquer* («Писать, чтобы обучать»). В ней рассказывается о профессиональной деятельности Людвига Генриха с момента его прибытия в Петербург. Основной акцент сделан на работе литературного, редакционного и переводческого плана, выполнявшейся в рамках образовательного процесса в период наставничества Николаи у великого князя Павла Петровича. Людвиг Генрих использовал свой прежний педагогический опыт в качестве воспитателя Алексея Разумовского. Когда Николаи вместе со своим бывшим подопечным путешествовал в рамках *Grand tour*, в Британии он познакомился с королевским историографом Шотландии Уильямом Робертсоном, чьи работы впоследствии перевел для библиотеки и обучения Павла Петровича (р. 104).

Следует отметить, что если в первой части книги детально рассмотрены научные связи страсбургских интеллектуалов, то в данной главе подчеркнута значимость сетей доверия в писательских кругах. Обращает также на себя внимание замечание М. Аренса о том, что творчество Николаи фигурировало в исследованиях XIX–XX вв. прежде всего в контексте присутствия немецкой литературы в других странах (в частности, в России) (р. 100). При этом труды Людвига Генриха не переводились на русский язык.

Период, когда Николаи занимал пост президента Академии наук, освещен в следующей главе (автор – Наталья Прохоренко). Это время охарактеризовано как наиболее благоприятное для академии. Людвиг Генрих предстает прогрессивным руководителем, стремившимся максимально улучшить материальные и моральные условия исследовательской деятельности ученых, расширить их свободу, из-

бавить от непрофильных обязанностей. Проект устава Академии наук, составленный Николаи и взятый за основу регламента 1803 г., хотя и не полностью воплощенный в жизнь, считается образцовым. Людвиг Генрих внес большой вклад в интенсификацию циркуляции научного знания. Сведения о технических новшествах из-за рубежа переводились и публиковались в российских изданиях, что позволяло применять их на практике. Николаи внес изменения в структуру управления, ввел должность вице-президента Академии наук.

Специальный раздел книги посвящен усадьбе Николаи – Монрепо. Думается, что в облике парка (каким его хотел видеть Людвиг Генрих) отразилось все своеобразие творческой личности владельца. В этом смысле Николаи абсолютно шел в ногу со временем, уделяя большое внимание «поэзии садов». Поэма «Монрепо» тому подтверждение. Людвиг Генрих непрерывно работал над проектами украшения усадьбы, создавал новые вариации классических образов, синтезировал различные стили как во внешнем виде садово-паркового ансамбля, так и в его поэтической репрезентации. Авторам (А. Ананьева, М. Ефимов, Ю. Мошник) удалось изящно продемонстрировать, что усадьба являлась наглядным отражением культурного диалога между Европой и Россией, а сам Николаи считал Монрепо своим наиболее успешным творением (р. 148).

Особый интерес представляет заключительный раздел книги «Образ Людвиг Генриха Николаи в памяти потомков» (авторы – А. Веселова и М. Ефимов). А. Веселова показала, насколько Николаи не соответствовал традиционному образу «сухого академичного немца», господствовавшему в России XIX в. В тот период личность Людвиг Генриха вызывала интерес в публичном пространстве прежде всего в связи с его деятельностью на посту президента Академии наук. В этом отношении Николаи заслужил абсолютное признание и уважение, хотя некоторые ироничные высказывания (не имевшие, впрочем, цели принизить его) вызвали даже полемику, в которой в качестве защитника Людвиг Генриха выступил его внук (р. 201). М. Ефимов показал образ Николаи в романе Ю. Тынянова «Кюхля», осветив и подлинную историю отношений барона с семейством Кюхельбекеров.

По наблюдениям авторов коллективной монографии, Николаи совсем не был «сухим немцем». Людвиг Генрих отличался легким гибким характером, что позволило ему с самого начала пребывания в России не только занять прочные позиции в ближайшем окружении будущего императора Павла, но и удостоиться расположения супруги последнего Марии Федоровны, стать ее секретарем (р. 127, 256). Учитывая все вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что реконструкция «персональной истории» Николаи служит не только для понимания контекста социальной среды и международных связей страсбургской интеллектуальной элиты, но и отражает разносторонние коммуникации российских аристократических кругов, а также некоторые аспекты повседневной жизни «малого двора» Петербурга.

Нетривиальным и ценным выглядит вывод авторов о роли Николаи как агента культурного трансфера между Францией и Германией, но не между Францией и Россией. Дело в том, что свои художественные сочинения Николаи писал на немецком языке; он также переводил произведения других авторов с французского на немецкий. С одной стороны, обосновавшись в России, получив обширные имения и крепостных, Людвиг Генрих не собирался возвращаться на родину, что было совсем не характерно для его соотечественников. В то же время Николаи сохранял привычный для себя европейский образ жизни. Следовательно, стратегия его социокультурной адаптации в новой среде исключала преобладание элементов ассимиляции, а предполагала сохранение исходного культурного кода и поддержание некоторой обособленности. Вероятно, этому способствовала и окружавшая его в России социальная элита эпохи Просвещения. Символична в этом смысле даже стилистика усадьбы Монрепо, которую авторы книги определили как «предмет-границу», где Николаи попытался синтезировать «античную мифологию, европейскую неоклассицистскую эстетику и произвольно им интерпретированный финский этнографический субстрат» (р. 268).

В целом книга видится очень гармоничной и живой. В ней показаны профессиональные и личностные качества героя исследования. Рассказанная история представляется переплетением разнообразных социальных сетей. Порой едва уловима грань между дружескими и патрон-брокер-клиентскими отношениями, но очевидна включенность персонажа исследования в разветвленную систему интеллектуальных связей в широком контексте трехстороннего межкультурного взаимодействия «Россия – Франция – Германия». В качестве пожелания хотелось бы отметить ощущение некоторой потребности в более подробной характеристике семейных связей Николаи и его супруги, представительницы семейства Поггенполь. Какую роль родственные узы играли в развитии карьеры и эволюции творчества Людвиг Генриха? И играли ли вообще? Думается, что в определенной степени должны были. Сам Николаи не мог похвастаться завидным происхождением. Однако, добившись получения баронского титула и существенного повышения социального статуса, он открыл возможности социальной мобильности для своих потомков. Насколько им удалось воспользоваться данным преимуществом? Авторы частично затронули такого рода вопросы, но не останавливались на них прицельно.

В завершение нельзя не отметить, что неоспоримым достоинством книги является публикация нескольких писем Николаи. Удивительно, насколько каждое из них многослойно по информационному потенциалу. В полной мере оценить богатство источников позволяют обстоятельные комментарии авторов исследования. Наконец, необходимо подчеркнуть литературную филигранность, с которой выполнена книга. Несмотря на то, что перед нами коллективная, а не индивидуальная монография, в ней не встретишь неуклюжих стыков

между текстами разных авторов, стилистических или смысловых перепадов. Как в театре, когда оказываешься на спектакле с участием одного очень известного выдающегося артиста, и вдруг остальные участники пьесы меркнут на его фоне. Но бывают такие постановки, где действие едино, а все актеры играют так же блестяще, как ожидаешь от того самого «очень талантливого и заслуженного». Это дорогого стоит. Тогда можно с уверенностью утверждать, что произведение получилось, а в данном случае – что книга удалась.

Список литературы

Диалог со временем. Вып. 8. Персональная история и интеллектуальная биография. 2002. 460 с.

Ермакова О. К. Теоретико-методологические подходы к изучению неформальных связей во Франции Старого порядка во французской историографии (середина XX – начало XXI в.) // История : электрон. науч.-образоват. журн. : [сайт]. 2021а. Т. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840014298-6-1/> (дата обращения: 17.05.2022). DOI 10.18254/S207987840014298-6.

Ермакова О. К. Терминологические аспекты дискуссии о неформальных связях в государствах Европы Нового времени (на примере современной англо- и франкоязычной историографии) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021b. № 2. С. 23–29. DOI 10.52452/19931778_2021_2_23.

Лауров А. Первый университетский курс российской истории во Франции // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 4. С. 1518–1526. DOI 10.15826/qr.2021.4.653.

РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 22.

Ржеуцкий В. С. Французские гувернеры в России XVIII в. Результаты международного исследовательского проекта «Французы в России» // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М. : ИВИ РАН, 2011. С. 58–80.

Boltanski A. Les ducs de Nevers et l'état royal: genèse d'un compromis (ca 1550 – ca 1600). Genève : Droz, 2006. 580 p.

Clientèle guerrière, clientèle foncière et clientèle électorale: histoire et anthropologie / sous la direction de V. Lécirvain. Dijon : Ed. univ. de Dijon, 2007. 250 p.

Constant J.-M. La vie quotidienne de la noblesse française aux XVIe et XVIIe s. Paris : Hachette, 1985. 317 p.

Constant J.-M. La société française aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles. Paris : Ed. Ophrys, 1994. 163 p.

Figeac M. Les noblesses en France du XVIe au milieu du XIXe siècle. Paris : Armand Colin, 2013. 415 p.

Histoire de Russie, avec sa partie politique, par Mr. Koch, professeur à Strasbourg: suivie de la Constitution de l'empire de Russie / éd. présentée et commentée par R. Baudin, W. Berelowitch. Strasbourg : Presses univ. de Strasbourg, 2018. 326 p.

Hommage à Roland Mousnier: clientèles et fidélités en Europe à l'Epoque moderne / sous la direction de Y. Durand. Paris : Presses univ. de France, 1981. XXIII, 388 p.

Jouanna A. Des réseaux d'amitié aux clientèles centralisés: les provinces et la cour (France, XVIe – XVIIe siècle) // Patronages et clientélismes, 1550–1750: France, Angleterre, Espagne, Italie : [actes du colloque, Institut français du Royaume-Uni, Londres, 3–5 mai 1990] / eds. Ch. Giry-Deloison, R. Mettam. Villeneuve-d'Ascq : Centre d'histoire de la région du Nord et de l'Europe du Nord-Ouest de l'Université de Charles-de-Gaulle-Lille III ; Londres : Inst. français du Royaume-Uni, 1995. P. 21–38.

Louis Henri de Nicolay, un intellectuel strasbourgeois dans la Russie des Lumières / sous la direction de R. Baudin et A. Veselova. Strasbourg : Presses univ. de Strasbourg, 2020. 279 p.

Mousnier R. Les concepts d'« ordres », d'« états », de « fidélité » et de « monarchie absolue » en France de la fin du XVe siècle à la fin du XVIIIe // *Revue historique*. 1972. No. 502. P. 289–312.

Patronages et clientélismes, 1550–1750: France, Angleterre, Espagne, Italie : [actes du colloque, Institut français du Royaume-Uni, Londres, 3–5 mai 1990] / eds. Ch. Giry-Deloison, R. Mettam. Villeneuve-d'Ascq : Centre d'histoire de la région du Nord et de l'Europe du Nord-Ouest de l'Université de Charles-de-Gaulle-Lille III; Londres : Inst. français du Royaume-Uni, 1995. 268 p.

References

Baudin, R., Berelowitch, W. (Eds.). (2018). *Histoire de Russie, avec sa partie politique, par Mr. Koch, professeur à Strasbourg: suivie de la Constitution de l'empire de Russie*. Strasbourg, Presses univ. de Strasbourg. 326 p.

Baudin, R., Veselova, A. (Eds.). (2020). *Louis Henri de Nicolay, un intellectuel strasbourgeois dans la Russie des Lumières*. Strasbourg, Presses univ. de Strasbourg. 279 p.

Boltanski, A. (2006). *Les ducs de Nevers et l'état royal: genèse d'un compromis (ca 1550 – ca 1600)*. Genève, Droz. 580 p.

Constant, J.-M. (1985). *La vie quotidienne de la noblesse française aux XVIe et XVIIe s.* Paris, Hachette. 317 p.

Constant, J.-M. (1994). *La société française aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles*. Paris, Ed. Ophrys. 163 p.

Dialog so vremenem. Iss. 8: Personal'naya istoriya i intellektual'naya biografiya [Dialogue with Time. Iss. 8. Personal History and Intellectual Biography]. (2002). 460 p.

Durand, Y. (Ed.). (1981). *Hommage à Roland Mousnier: clientèles et fidélités en Europe à l'Epoque moderne*. Paris, Presses univ. de France. XXIII, 388 p.

Ermakova, O. K. (2021a). Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniyu neformal'nykh svyazei vo Frantsii Starogo poryadka vo frantsuzskoi istoriografii (seredina XX – nachalo XXI v.) [Theoretical and Methodological Approaches to Studying Informal Ties in France during the Ancien Régime in French Historiography (Mid-20th – Early 21st Centuries)]. In *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal* [website]. Vol. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840014298-6-1/> (accessed: 17.05.2022). DOI 10.18254/S207987840014298-6.

Ermakova, O. K. (2021b). Terminologicheskie aspekty diskussii o neformal'nykh svyazyakh v gosudarstvakh Evropy Novogo vremeni (na primere sovremennoi anglo-i frankoyazychnoi istoriografii) [Terminological Aspects of the Discussion about Informal Ties in European States of the Modern Time (with Reference to Contemporary English- and French-Language Historiography)]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. No. 2, pp. 23–29. DOI 10.52452/19931778_2021_2_23.

Figeac, M. (2013). *Les noblesses en France du XVIe au milieu du XIXe siècle*. Paris, Armand Colin. 415 p.

Giry-Deloison, Ch., Mettam, R. (Eds.). (1995). *Patronages et clientélismes, 1550–1750: France, Angleterre, Espagne, Italie : [actes du colloque, Institut français du Royaume-Uni, Londres, 3–5 mai 1990]*. Villeneuve-d'Ascq, Centre d'histoire de la région du Nord et de l'Europe du Nord-Ouest de l'Université de Charles-de-Gaulle-Lille III ; Londres, Institut français du Royaume-Uni. 268 p.

Jouanna, A. (1995). Des réseaux d'amitié aux clientèles centralisés: les provinces et la cour (France, XVIe – XVIIe siècle). In Giry-Deloison, Ch., Mettam, R. (Eds.). *Patronages et clientélismes, 1550–1750: France, Angleterre, Espagne, Italie : [actes du colloque, Institut français du Royaume-Uni, Londres, 3–5 mai 1990]*. Villeneuve-d'Ascq, Centre d'histoire de la région du Nord et de l'Europe du Nord-Ouest de l'Université de Charles-de-Gaulle-Lille III ; Londres, Institut français du Royaume-Uni, pp. 21–38.

Lavrov, A. (2021). Pervyi universitetskii kurs rossiiskoi istorii vo Frantsii [France's First University Course in Russian History]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9. No. 4. P. 1518–1526. DOI 10.15826/qr.2021.4.653.

Lécrivain, V. (Ed.). (2007). *Clientèle guerrière, clientèle foncière et clientèle électorale: histoire et anthropologie*. Dijon, Ed. univ. de Dijon. 250 p.

Mousnier, R. (1972). Les concepts d'« ordres », d'« états », de « fidélité » et de « monarchie absolue » en France de la fin du XVe siècle à la fin du XVIIIe. In *Revue historique*. No. 502, pp. 289–312.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 283. List 1. Dos. 22.

Rjécoutski, V. S. (2011). Frantsuzskie gubernery v Rossii XVIII v. Rezul'taty mezhdunarodnogo issledovatel'skogo proekta "Frantsuzy v Rossii" [French Tutors in Russia in the 18th Century: The Results of the *Frenchmen in Russia* International Research Project]. In *Frantsuzskii ezhegodnik 2011. Frankoyazychnye gubernery v Evrope XVII–XIX vv.* Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 58–80.

The article was submitted on 26.08.2022